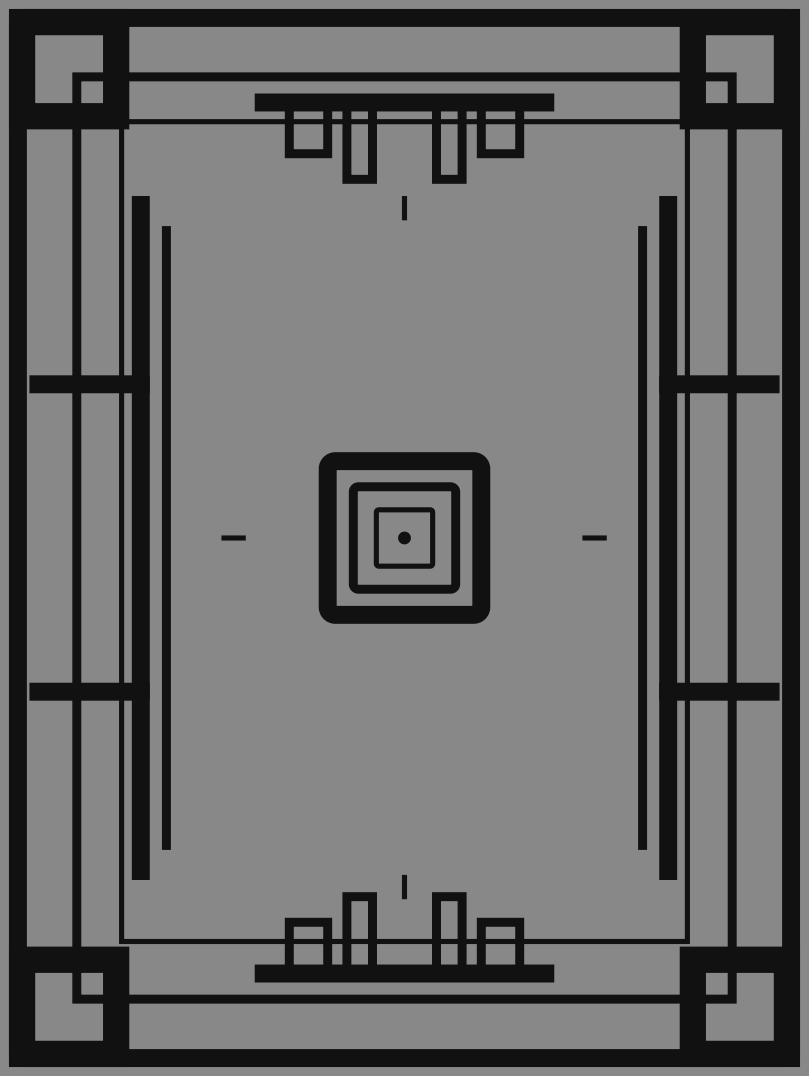

О том, что нельзя судить, счастлив ли кто-нибудь, пока он не умер

Мишель Монтень

Аннотация
Мишель Монтень. О том, что нельзя судить, счастлив ли кто-нибудь, пока он не умер

Аннотация

«…Всякие житейские неприятности очень часто, не задевая нас за живое, оставляют нам возможность сохранять на лице полнейшее спокойствие. Но в этой последней схватке между смертью и нами нет больше места притворству; приходится говорить начистоту и показать, наконец, без утайки, что у тебя за душой…

Смерти предоставляю я оценить плоды моей деятельности…»

Мишель Монтень
О том, что нельзя судить, счастлив ли кто-нибудь, пока он не умер

Scilicet ultima semper
Exspectanda dies homini est, dicique beatus
Ante obitum nemo, supremaque funera debet.

{Итак, человек всегда должен ждать последнего своего дня, и никого нельзя назвать счастливым до его кончины и до свершения над ним погребальных обрядов (лат).[1]}

Всякому ребенку известен на этот счет рассказ о царе Крезе: захваченный в плен Киром и осужденный на смерть, перед самой казнью он воскликнул: «О, Солон, Солон!». Когда об этом было доложено Киру и тот спросил, что это значит. Крез ответил, что он убедился на своей шкуре в справедливости предупреждения, услышанного им некогда от Солона, что как бы приветливо ни улыбалось кому-либо счастье, мы не должны называть такого человека счастливым, пока не минет последний день его жизни, ибо шаткость и изменчивость судеб человеческих таковы, что достаточно какого-нибудь ничтожнейшего толчка, — и все тут же меняется. Вот почему и Агесилай [2] сказал кому-то, утверждавшему, что царь персидский — счастливец, ибо, будучи

---

[1] Примечания: 1
Овидий. Метаморфозы. III, 135 сл.

[2] Примечания: 2
Агесилай. — См. прим. 13, Гл. III.

совсем молодым, владеет столь могущественным престолом: «И Приам в таком возрасте не был несчастлив». Царей Македонии, преемников великого Александра, мы видим в Риме песцами и столярами, тиранов Сицилии — школьными учителями в Коринфе. Покоритель полумира, начальствовавший над столькими армиями, превращается в смиренного просителя, унижающегося перед презренными слугами владыки Египта; вот чего стоило прославленному Помпею продление его жизни еще на каких нибудь пять-шесть месяцев.[3] А разве на памяти наших отцов не угасал, томясь в заключении в замке Лош, Лодовико Сфорца, десятый герцог Миланский, перед которым долгие годы трепетала Италия? И самое худшее в его участи то, что он провел там целых десять лет.[4] А разве не погибла от руки палача прекраснейшая из королев, вдова самого

---

[3] Примечания: 3

…вот чего стоило… Помпею продление его жизни. — Монтень имеет в виду тяжелое положение, в котором оказался Помпеи, когда он, разбитый Цезарем при Фарсале (48 г. до н. э.), отправился на восток искать помощи египетского царя. Царедворцы малолетнего египетского царя убили беглеца и передали прибывшему через несколько дней Цезарю его голову и перстень (Цицерон. Тускуланские беседы. I, 35).

[4] Примечания: 4

…Лодовико Сфорца (1452–1508), выданный швейцарцами королю Франциску I, последние семь лет своей жизни провел в заключении (по Монтеню десять лет).

могущественного в христианском мире государя?[5] Такие примеры исчисляются тысячами. И можно подумать, что подобно тому как грозы и бури небесные ополчаются против гордыни и высокомерия наших чертогов, равным образом там наверху существуют духи, питающие зависть к величию некоторых обитателей земли:

Usque adeo res humanas vis abdita quaedam
Obterit, et pulchros fasces saevasque secures
Proculcare, ac ludibrio sibi habere videtur.

{Так некая скрытая сила рушит человеческие дела, и попирать великолепные фасции и грозные секиры для нее, видно, забава (лат).[6]}

Можно подумать также, что судьба намеренно подстерегает порою последний день нашей жизни, чтобы явить пред нами всю свою мощь и в мгновение ока извергнуть все то, что воздвигалось ею самою годами; и это заставляет вас

[5] Примечания: 5

...разве не погибла от руки палача прекраснейшая из королев... — имеется в виду Мария Стюарт (1542–1587), королева шотландская и вдова французского короля Франциска II.

[6] Примечания: 6

Лукреций. V, 1233 сл. Фасции — пучки прутьев, эмблема власти в Древнем Риме.

воскликнуть, подобно Лаберию:[7] Nimirum hac die una plus vixi, mini quam vivendum fuit. {Ясно, что на один день прожил я дольше, чем мне следовало жить (лат).[8]}

Таким образом, у нас есть все основания прислушиваться к благому совету Солона. Но поскольку этот философ полагал, что милости или удары судьбы еще не составляют счастья или несчастья, а высокое положение или могущество считал маловажными случайностями, я нахожу, что он смотрел глубже и хотел своими словами сказать, что не следует считать человека счастливым, разумея под счастьем спокойствие и удовлетворенность благородного духа, а также твердость и уверенность умеющей управлять собою души, — пока нам не доведется увидеть, как он разыграл последний и, несомненно, наиболее трудный акт той пьесы, которая выпала на его долю. Во всем прочем возможна личина. Наши превосходные философские рассуждения сплошь

---

[7] Примечания: 7

Лаберий (Децим Юний) — римский всадник, автор мимов. Цезарь заставил его выступить на сцене в одном из мимов его сочинения. Макробий цитирует пролог того мима, в котором Лаберию пришлось играть перед Цезарем. В этом прологе Лаберий скорбит о своем унижении, так как лицедейство считалось позором для римского всадника.

[8] Примечания: 8

Макробий. Сатурналии, II, 7.3, 14.15.

и рядом не более, как заученный урок, и всякие житейские неприятности очень часто, не задевая нас за живое, оставляют нам возможность сохранять на лице полнейшее спокойствие. Но в этой последней схватке между смертью и нами нет больше места притворству; приходится говорить начистоту и показать, наконец, без утайки, что у тебя за душой:

Nam verae voces tum demum pectore ab imo
Eliciuntur, et eripitur persona, manet res.

{Ибо только тогда, наконец, из глубины души вырываются искренние слова, срывается личина и остается сущность (лат).[9]}

Вот почему это последнее испытание — окончательная проверка и пробный камень всего того, что совершено нами в жизни. Этот день — верховный день, судья всех остальных наших дней. Этот день, говорит один древний автор,[10] судит все мои прошлые годы. Смерти предоставляю я оценить плоды моей деятельности, и тогда станет ясно, исходили ли мои речи только из уст или также из сердца.

Я знаю иных, которые своей смертью обеспе-

---

[9] Примечания: 9
Лукреций, III,57–58.

[10] Примечания: 10
Сенека, см.: Письма, 26 и 102.

чили добрую или, напротив, дурную славу всей своей прожитой жизни. Сципион, тесть Помпея, заставил своей смертью замолкнуть дурное мнение, существовавшее о нем прежде.[11] Эпаминонд, когда кто-то спросил его, кого же он ставит выше — Хабрия, Ификрата или себя, ответил: «Чтобы решить этот вопрос, надлежало бы посмотреть, как будет умирать каждый из нас».[12] И действительно, очень многое отнял бы у него тот, кто стал бы судить о нем, не приняв в расчет величия и благородства его кончины. Неисповедима воля господня! В мои времена три самых отвратительных человека, каких я когда-либо знал, ведших самый мерзкий образ жизни, три законченных негодяя умерли как подобает порядочным людям и во всех отношениях, можно

---

[11] Примечания: 11

Публий Корнелий Сципион Назика, как рассказывает Сенека (Письма, 24), после битвы при Фарсале (48 г. до н. э.) лишил себя жизни. Корабль, на котором он находился, подвергся нападению цезарианцев; видя, что дальнейшее сопротивление бесполезно, Сципион пронзил себя мечом. Когда подбежавшие к нему вражеские воины спросили его: «Где же военачальник?», он, умирая, ответил: «Военачальник чувствует себя превосходно».

[12] Примечания: 12

Эпаминонд (см. прим. 6, Гл. I), смертельно раненный в сражении под Мантинеей, как передают античные писатели, умирая, сказал: «Я прожил достаточно, так как умираю, не побежденным»; Хабрий — афинский военачальник, успешно сражавшийся с Агесилаем и Эпаминондом, убит в сражении (357 г. до н. э.); Ификрат — выдающийся афинский полководец (415 353 гг. до н. э.).

сказать, безупречно.

Бывают смерти доблестные и удачные. Так, например, я знавал одного человека, нить поразительных успехов которого была оборвана смертью в момент, когда он достиг наивысшей точки своего жизненного пути; конец его был столь величав, что, на мой взгляд, его честолюбивые и смелые замыслы не заключали в себе столько возвышенного, сколько это крушение их. Он пришел, не сделав ни шагу, к тому, чего добивался, и притом это свершилось более величественно и с большей славой, чем на это могли бы притязать его желания и надежды. Своей гибелью он приобрел больше могущества и более громкое имя, чем мечтал об этом при жизни.[13]

Оценивая жизнь других, я неизменного учитываю, каков был конец ее, и на этот счет главнейшее из моих упований состоит в том, чтобы моя собственная жизнь закончилась достаточно хорошо, то есть спокойно и неприметно.

---

[13] Примечания: 13

Своей гибелью он приобрел больше могущества… чем мечтал… при жизни. — Неясно, чью смерть имеет здесь в виду Монтень. Полагают, что речь идет либо о герцоге Лотарингском Генрихе Гизе, убитом по приказу короля Генриха III в 1588 г. в Блуа, либо о друге Монтеня Этьене Ла Боэси, при смерти которого он присутствовал в 1563 г.